

Владислав Ходасевич

О последних книгах К. Бальмонта

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т.

Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906-1922. - М.: Согласие, 1996.

Составление и подготовка текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова.

Комментарии И. П. Андреева, Н. А. Богомолова

OCR Бычков М. Н.

Бранить Бальмонта за его последние книги ("Злые чары", "Жар-Птица", "Птицы в воздухе") стало уже считаться у критиков чем-то вроде "хорошего тона". Чем критик "левее" в искусстве -- тем он неистовее, и в неистовстве своем, быть может, всего больше этот самый "хороший тон" попирает. По отношению к Бальмонту мы обязаны какой-то глубокой и почтительной благодарностью. Он подарил нас книгами "Будем как солнце" и "Только любовь", и для этих самых критиков и судей когда-то, задолго до нынешнего "признания", в дни свистков и самой постыдной брани -- его имя было боевым возгласом. Теперь, когда эти критики получили признание, потому что публика сочла своевременным признать тех, кого они когда-то отстаивали так безуспешно, -- и прежде всего -- Бальмонта, -- кто не почел своим долгом его лягнуть, не за стихи, так за статьи, за переводы?

И лягаются так легко, так небрежно -- мимоходом. Мол, все-таки "пускай мое копыто знает", хоть и не стоит с ним долго возиться. Для острастки.

А между тем, то, с чем разделяются "тонкие" критики так модно и так жалко, -- есть глубокая, больная и печальная трагедия, -- и да будет стыдно тем, кто тащит на площадь бедную душу поэта. Может быть, Бальмонт в жизни своей -- в сердце своем, -- поэт больше, чем все поэты, и то, что он делает сейчас, -- самая последняя, кровавая жертва его богу.

Никогда Бальмонт не останавливался на половине пути, и быть не цельным, идти не до конца -- было для него самым страшным. И теперь, когда он пленился народным творчеством (ибо он всегда в плену -- У Любви, у Солнца, у "Четверогласия Стихий") -- он не смог понять границы плена и отдался весь, отдал снова всю душу, стал, или, вернее, захотел стать, певцом там, где другой поэт сумел бы остаться литератором.

Предположим, -- Валерий Брюсов обратился бы, как Бальмонт, к народному русскому эпосу. Конечно, он решил бы свою задачу чисто литературно, -- и мы

бы получили ряд блестящих подделок, стилизаций, где собственное лицо Брюсова сказалось бы в выборе мотивов, в том, что именно более всего привлекло его внимание в подлинном народном творчестве.

Бальмонт поступил иначе. С чисто бальмонтовской внезапностью он решил: народ -- солнечность, я -- солнечность, народ -- как я, и я, как народ, народ и я -- величины одного порядка, одного наименования, и соединением, синтезом народного творчества и моего будет простое сложение -- плюс. Стал складывать яблоки с апельсинами только потому, что и те и другие -- круглые. И вот, пользуясь такой аргументацией, и всего более боясь остановок на половине пути, он стал громоздить глыбу на глыбу, обломок на обломок, не сравнивая, не пригоняя друг к другу, а глыбы падали и падали, падая, разбивались, -- и Бальмонт уже стоял среди груды камешков, рассыпавшихся вокруг него, -- а он все больше неистовствовал, все строил и ронял... После "Злых чар", где он еще как-то удерживался на ногах, -- "Жар-Птица", и Бальмонт почти раздавлен непосильной тяжестью своего труда.

Подвиг Бальмонта не удался, но, совершая его, он снова и снова, в который уже раз, сжег душу; совершая его, обрел опять новый мир, который мы никак не можем постигнуть, не можем вычислить его законов, мир, из которого слова еле долетают до нас. Бальмонт, кажется, понял это и сам. Теперь он уже заявляет ("Птицы в воздухе"):

...Я прыг с корабля их, и вот утонул.

О, счастливый прыжок. Ты навеки избавил

Человека Земли, но с морскою душой.

В тесноте корабля я своих там оставил,